

DOI 10.15826/izv2.2018.20.1.008

УДК 82.091 + 821.161.1.01 + 929 Бахтин

Н. М. Долгорукова*Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия***М. М. БАХТИН — АВТОР И ЧИТАТЕЛЬ РЕЦЕНЗИЙ***

Статья призвана осветить сторону деятельности российского мыслителя и литературоведа М. М. Бахтина, которая еще не становилась предметом исследовательского интереса. Источниками данной статьи стали две работы Бахтина, посвященные «литературоведческому» рецензированию: внутренняя рецензия на книгу Л. Е. Пинского «Драматургия Шекспира» (1970) и конспект рецензии В. Шмида на книгу Б. А. Успенского «Поэтика композиции» (1970). Характерно, что тексты, о которых будет идти речь являются поздними, т. е. созданными после 1965 г. — года публикации бахтинского «Рабле» и начала его реабилитации из «саранского небытия заживо» — и не были опубликованы при жизни автора, а увидели свет лишь посмертно. В обоих случаях речь идет об отклике Бахтина на произведения, которые по той или иной причине были важны или созвучны его собственным размышлениям и теориям. В случае работы Пинского — на пьесы Шекспира, в которых действует карнавальная стихия, что, очевидно, было близко Бахтину как теоретика карнавальной культуры и карнавального смеха, а в случае конспекта рецензии В. Шмида на книгу Б. А. Успенского — мысли о полифонии и голосе / голосах автора, с которыми он вступает в диалог, пытаясь ответить на не близкую ему самому позицию. Используя филологические, текстологические и герменевтические методы, автор показывает, как рецензия оказывается важным инструментом в полемике между учеными и служит для прояснения и кристаллизации собственных идей и мыслей автора.

Ключевые слова: М. М. Бахтин; рецензия; Л. Е. Пинский; карнавал; Б. А. Успенский; В. Шмид; полифония; автор.

Цитирование: Долгорукова Н. М. М. М. Бахтин — автор и читатель рецензий // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2018. Т. 20. № 1 (172). С. 108–116.

*Поступила в редакцию 12.05.2017**Принята к печати 09.01.2018*

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ 16-05-0031) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2017 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

Natalia M. Dolgorukova*National Research University
Higher School of Economics
Moscow, Russia***M. M. BAKHTIN AS AN AUTHOR AND READER OF REVIEWS**

This paper aims to illustrate one of the aspects of work of Russian literary critic M. Bakhtin which has not been considered previously. The sources of this paper are two works by Bakhtin dedicated to literary reviews: Bakhtin's internal review of the book *Shakespeare's Drama* (1970) by L. E. Pinsky and a summary of W. Schmid's review of the book *The Poetics of Composition* (1971) by B. A. Uspensky. It is important to note that the texts studied in the article are later ones, they were created after 1965 — the year of Bakhtin's *Rabelais* was published and after the beginning of his rehabilitation from Saransk. They were published posthumously. In both cases the author considers Bakhtin's response to works which were important for his own reflections and theories. They are carnival elements in Shakespeare's plays in Pinsky's work as Bakhtin was interested in them as a theorist of carnival culture and laughter, and thoughts of polyphony and the voice/voices of the author in Schmid's review of Uspensky's book which contradict his own view and which he tries to communicate with. Using philological, textual, and hermeneutical methods, the author shows how the review turns out to be an important tool in the polemics between scholars and serves to clarify the author's own ideas and thoughts.

Key words: M. M. Bakhtin; review; L. E. Pinsky; carnival; B. A. Uspensky; W. Schmid; polyphony; author.

Acknowledgements

The article was prepared during research project 16-05-0031 of the Programme "The Scientific Fund of the National Research University "Higher School of Economics" (HSE)" in 2017 and within the framework of the state support of the leading universities of the Russian Federation "5–100".

Citation: Dolgorukova, N. M. (2018). M. M. Bakhtin — avtor i chitatel' retsenzij [M. M. Bakhtin as an Author and Reader of Reviews]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 20, 1 (172), 108–116.

*Submitted on 12 May, 2017
Accepted on 09 January, 2018*

Памяти С. Г. Бочарова посвящается

М. М. Бахтин не писал (или почти не писал) рецензий. С одной стороны, это легко объяснить, если понимать рецензию как микромодель серьезного научного исследования, трамплин в научную деятельность, первую публикацию молодого ученого. Естественно, ничто из вышеперечисленного Бахтина не интересовало.

За всю жизнь Бахтин едва ли написал больше двух рецензий. Возможно, потому, что русский мыслитель, насколько мы можем судить, вообще не любил писать что бы то ни было «в стол»: как только он понимал, что тот или иной его текст по той или иной причине не сможет быть опубликован, он его немедленно бросал¹. У рецензий не партийного не доктора наук с темным прошлым и без диплома об окончании высшего учебного заведения [Паньков, 1993] в советском литературоведении практически не было шансов. Характерно, что два текста, о которых будет идти речь — поздние, т. е. созданы после 1965 г. — года публикации бахтинского «Рабле» и начала его реабилитации. Еще один, третий текст — рецензия Бахтина «Мария Тюдор», опубликованная в газете «Советская Мордовия» 12 декабря 1954 г. (№ 245) — представляет собой практически единственный образец рецензии среди довольно большого пласта бахтинских текстов, с которыми он выступал в республиканской периодической печати² (например, не вошедшая в собрание сочинений Бахтина статья «Опыт изучения спроса колхозников» [Бахтин, 1934]) — тексты эти «еще полностью не выявлены, не собраны и не обобщены» [Конкин, Конкина, с. 347]. «Мария Тюдор» — рецензия театральная, она написана Бахтиным после просмотра одноименной пьесы Гюго в Мордовском театре, поэтому здесь мы ее касаться не будем.

Мы сосредоточимся на двух текстах Бахтина, посвященных «литературоведческому» рецензированию: на внутренней рецензии Бахтина на книгу Л. Е. Пинского «Драматургия Шекспира» (1970) и на конспекте (своего рода рецензии на рецензию) рецензии Вольфа Шмида на книгу Б. А. Успенского «Поэтика композиции» (1970). Оба эти текста не были опубликованы при жизни Бахтина и увидели свет лишь посмертно, в шестом томе собрания сочинений Бахтина, в разделе «Рабочие записи 60-х — начала 70-х годов».

В обоих случаях речь идет об отклике Бахтина на книги, которые по той или иной причине были важны для его собственных размышлений и теорий. В случае рецензии на работу Пинского — для карнавальной культуры, в случае конспекта рецензии В. Шмида на книгу Б. А. Успенского — для полифонии и голоса / голосов автора.

Внутренняя рецензия Бахтина от 25 апреля 1970 г. на рукопись из 936 машинописных страниц, сначала озаглавленную Леонидом Ефимовичем Пинским

¹ Это можно сказать о его начатых и незаконченных работах: «К философии поступка» (которую Бахтин бросил писать в 1922 г., когда была ликвидирована немарксистская философия, с которой он спорил, но не с марксистских позиций), «Автор и герой» (это та часть огромного исследования, которое запроектировано Бахтиным во введении, которое теперь называется «К философии поступка»), работе 1924 г. («К методологии художественного творчества» — первый раздел предполагаемой книги «Форма и содержание», заказанная статья в журнал Замятина «Русский современник» под редакцией Горького, как только журнал закрыли, Бахтин перестал над ней работать, остановившись на самом интересном месте). С одной стороны, Бахтин понимал, что тексты эти в 1920-е гг. ему опубликовать едва ли удастся, с другой стороны, вообще с предубеждением относился к возможности творчества (и публикаций) в советские годы: «Все, что было создано за эти полвека на этой безблагодатной почве под этим несвободным небом, все это в той или иной степени порочно» [Бочаров, с. 475].

² Впрочем, сам Бахтин об этих своих публикациях в местной прессе, правда, более ранних, созданных в 1920-е гг., писал, что «они не заслуживают внимания» [Паньков, 2009, с. 491].

«Драматургия Шекспира. Основные начала» и изданную в 1971 г. в Москве под названием «Шекспир. Основные начала драматургии», была, хотя бы судя по тому, что после нее книгу опубликовали, очень положительной и очень доброй. Какова структура рецензии Бахтина? Он начинает с того, что определяет характер монографии Пинского: *исследовательский* (слово написано разрядкой — любимый бахтинский способ выделения слова-мысли и обращения внимания) характер, т. е. она не просто освещает литературу по вопросу и повествует об эпохе, культуре эпохи, биографии автора...

Далее — о методе Пинского: ««основные начала» раскрываются автором путем совершенно конкретных анализов отдельных произведений, образов и стилистических особенностей» [Бахтин, 2008, т. 4, с. 440] и тут же совет: «не могу согласиться с автором, когда он предлагает считать (“на худой конец”) свою чрезвычайно богатую конкретным материалом и, в сущности, совершенно полную и завершенную по мысли книгу “лишь разросшимся теоретическим введением к несколько по-новому прочитанному “Королю Лиру””. Мне кажется, что это утверждение следовало бы исключить из “Предисловия”» [Там же]. От конкретного замечания — к вскрывающему структуру книги Пинского обобщению: «Книга построена на основе свойственной Шекспиру жанровой природы (разрядка Бахтина. — Н. Д.) его пьес» [Бахтин, 2002, т. 6, с. 441]. Все начинается с комедии.

Очевидно, что Бахтину, теоретику карнавальной культуры и карнавального смеха, который, как мы помним, является не однонаправленным, а амбивалентным, симпатичен выбор Пинского, ведь комедия Шекспира — «смеющаяся комедия», существенно отличная от «осмеивающей комедии» (например, у Мольера). И неслучайно Бахтин останавливается и цитирует именно размышления Пинского о том, как смеются над героями комедий. Попробуем сопоставить мысли двух ученых об этом смехе:

Бахтин, *Рабле*

Также и смех не становится еще до конца осмеянием: он еще носит достаточно целостный характер, относится ко всему жизненному процессу, к обоим его полюсам, в нем еще звучат торжествующие тона рождения и обновления [Бахтин, 2008, т. 4, с. 56].

Пинский, *Шекспир*

Мы сочувствием героям, видим их заблуждения, разделяем их радости и страдания, смеемся то над ними, то вместе с ними, но в нашем смехе нет оттенка ни морального, ни интеллектуального превосходства [Бахтин, 2002, т. 6, с. 441].

Итак, оба ученых сходятся в трактовке смеха у Рабле и Шекспира: и там, и там смех понимается как двунаправленный, призванный не только высмеять другого, но и посмеяться вместе с ним и над собой. Поэтому неслучайно Бахтин уделяет особое внимание второй главе монографии Пинского — «Комическое начало», где речь идет о народно-праздничных основах комедий Шекспира, основах, которые были особенно дороги Бахтину и которым он посвятил немалую часть своей монографии, в свою очередь видя в них основы книги Рабле.

Бахтин пишет, что «жизнь в этих комедиях изображается не в повседневном будничном своем течении, а в своем праздничном аспекте: жизнь празднует и играет» [Бахтин, 2002, т. 6, с. 441]. Бахтин отмечает, что определяющее влияние на ««смеющуюся комедию» Шекспира и на самый характер его смеха оказали народные увеселения и игры карнавального типа...» [Там же, с. 441–442], тем самым намекая, что источники для Рабле и для Шекспира были сходны, и источники эти верно искать в карнавале. Из карнавала пришли и образы борцов со смехом (например, шекспировский Мальволио из «Двенадцатой ночи»), о которых Бахтин довольно часто вспоминал в своей книге о Рабле и которым давал следующее определение: «Поэтому все представители старой правды и старой власти хмуро-серьезны, не умеют и не хотят смеяться (агеласты); выступают они величественно, в своих врагах усматривают врагов вечной истины и потому угрожают им вечной гибелью» [Бахтин, 2008, т. 4, с. 203]. Однако они «также являются традиционными для народных празднеств карнавального типа фигурами “врагов смеха” (“агеластов”)» [Бахтин, 2002, т. 6, с. 442].

Не стоит забывать в этой связи и о свойственных комедиям Шекспира, по Пинскому, различного рода шутовских мистификациях и переодеваниях, которые, наряду с участием клоунов и шутов, свидетельствуют о «театрально-игровом восприятии жизни в комедиях» [Там же]. Об этом же пишет и Бахтин, говоря, что подобные мистификации были свойственны не только героям Рабле, но и ему самому. Бахтин приводит характерную легенду о «переодеваниях и мистификациях» мэтра Франсуа: «на смертном одре Рабле будто бы заставил переодеть себя в д о м и н о³ (разрядка Бахтина. — Н. Д.), основываясь на словах священного писания (“Апокалипсиса”): “Beati qui in Domino moriuntur” (т. е. “блаженны умирающие в боге”). Карнавальный характер этого легендарного рассказа совершенно ясен. Подчеркнем, что здесь реальное переодевание (травестия) обосновывается с помощью семантической, словесной, травестии священного текста» [Бахтин, 2008, с. 188].

Следующая глава в монографии Пинского — о хрониках, и нам кажется вполне закономерным, что из всего многообразия характеров и персонажей исторических хроник Шекспира Бахтина в монографии Пинского заинтересовал именно образ Джона Фальстафа («Генрих IV», 1596/97 г.). Бахтин отмечает: «особенно глубоко и оригинально раскрыт образ Фальстафа» [Бахтин, 2002, т. 6, с. 443] и добавляет: «Фальстафовские страницы одни из лучших в книге» [Там же]. В характеристике Фальстафа Пинского — сразу несколько дорогих Бахтину тем и словопонятий: «Включая в себя самые разнородные истоки, образ Фальстафа отнюдь не “противоречив”: напротив, по-своему (*гротескно*. — Здесь и далее курсив наш. — Н. Д.) вполне закончен, оригинален, принципиально *незавершен*...» [Там же]. Как известно, гротескность и незавершенность, по Бахтину, — характерная особенность карнавальных образов. Можно легко сопоставить образ Фальстафа, каким он предстает в изображении Пинского, и образ

³ Домино — маскарадный костюм, представляющий собой длинный плащ с рукавами и капюшоном.

беременных старух, как их описывает Бахтин: «В теле беременной старухи нет ничего завершенного, устойчиво-спокойного. В нем старчески разлагающееся, уже деформированное, и еще не сложившееся, зачатое тело новой жизни. Здесь жизнь показана в ее амбивалентном, внутренне-противоречивом процессе. Здесь нет ничего готового; это — сама *незавершенность*. И такова обычная характеристика тела в *гротеске*» [Бахтин, 2008, т. 4, с. 32–33]. В рецензии Бахтина подчеркивается, что образ тела при описании Фальстафа тем более важен, если учитывать тот факт, что «люди Возрождения умели сквозь свою человеческую физиологию смотреть прямо в космос» [Бахтин, 2002, т. 6, с. 444].

Тело Фальстафа, как и тела беременных старух, — гротескно, выходит за свои пределы, неслучайно при его описаниях Шекспир так много внимания уделяет его объемам:

Твой приятель — бочка, а не человек. Зачем ты водишь дружбу с этим сундуком жидкостей, с этим вместилищем скотства, с этой вздутой водянкой, с этой огромной бочкой хереса, с этим чемаданом, набитым требухой, с этим невыпотрошенным зажаренным меннингтрийским быком, с этим достойным Пороком, седым Безбожием, с этим старым негодяем, с этим престарелым Тщеславием? На что он годен? Разве только на то, чтобы наливать херес и пить его! В чем он аккуратен и опрятен? Только в разрезании и пожирании каплунов! В чем ловок? Только в обмане. В чем расторопен? В плутовстве. В чем презрен? Во всем. В чем достоин? Ни в чем [Шекспир, с. 338].

«Веселая и веселящая» (Пинский) плоть Фальстафа — воплощение его натуры, не знающей никакой узды и «как воплощение “природы” Фальстаф постоянно конфликтует с “историей”» [Бахтин, 2002, т. 6, с. 444]. Обратим внимание на первые слова, которые произносит Фальстаф в хронике:

Ф а л ь с т а ф: А что, Хелл, который час дня теперь, голубчик?

П р и н ц Г е н р и х: Ты так отупел от привычки пить старый херес, расстегиваться после ужина и спать по скамейкам после обеда, что даже не можешь как следует спросить о том, что тебя на самом деле интересует. На кой черт тебе знать, который час дня? Вот если бы часы обратились в рюмки с хересом, минуты — в каплунов, часовой бой — в языки сводень, циферблаты — в вывески публичных домов, а само благословенное солнце — в пригожую горячую девку в тафте огненного цвета, тогда бы я еще видел кое-какой смысл в твоём праздном вопросе: который теперь час? [Шекспир, с. 207].

Замечено, что, «как и в случае со многими героями Шекспира, первая фраза служит ключом к пониманию всего характера» [Шайтанов, с. 290] героя. Почему принца так удивляет вопрос Фальстафа о времени и каким он рисуется в ответе Генриха? «Принц точен в своей оценке: Фальстафу незачем знать, который час, он попадает в хронику как будто по недоразумению — из комедии...» [Там же, с. 291]. Не случайно, что очень скоро он туда вернется — в 1597 г. Шекспир напишет комедию «Виндзорские насмешницы».

Итак, интерес Бахтина к книге Пинского о Шекспире более чем оправдан. Бахтин подчеркивает, что Пинский «дал великолепный анализ карнавальной

сущности шекспировский комедии» [Бахтин, 2002, т. 6, с. 444]. Не зря и в современном литературоведении признают, что «Шекспир не был сатириком, и его комедия — последний раскат карнавального смеха, не осмеивающего, а радующегося жизни и обновляющего ее» [Шайтанов, с. 189]. И не зря заключительная критическая часть рецензии Бахтина (помимо очень аккуратно высказанных предложений по форме и структуре книги — см., например, с. 446) касается того факта, что этот самый, такой дорогой Бахтину *великолепный анализ карнавальной сущности шекспировской комедии* не получил развития при анализе шекспировской трагедии, анализе, который занимает едва ли не две трети всей монографии: «но при анализе трагического театра Шекспира он (Пинский. — *Н. Д.*) на этом вопросе (анализ карнавальной сущности трагедий Шекспира. — *Н. Д.*) почти вовсе не останавливается» [Бахтин, 2002, т. 6, с. 447].

Вторая часть нашей статьи и вторая интересующая нас в этой статье ипостась Бахтина (Бахтин — читатель рецензий) будет построена на комментарии конспекта рецензии В. Шмида на книгу Б. А. Успенского «Поэтика композиции» (первое издание — 1970 г.). Этот трехстраничный конспект на немецком языке с вкраплениями русскоязычных бахтинских замечаний «от себя» [Там же, с. 657] был найден в последней сохранившейся рабочей тетради Бахтина и датируется февралем-мартом 1971 г. (рецензия, так заинтересовавшая Бахтина, была опубликована в январском номере немецкого журнала «Poetica. Zeitschrift für Sprach- und Literaturwissenschaft» за 1971 г. и привезена Бахтину в Климовск С. Г. Бочаровым).

Успенский в своей книге (и Шмид в своей рецензии) спорит с бахтинской концепцией полифонии и образом автора в полифоническом романе, поэтому для Бахтина особенно важно было зафиксировать моменты этой полемики с его теорией и ответить на возражения Успенского (Шмида).

Первый пункт этой полемики Бахтина с Успенским заключается в том, что «Усп<енский> определяет “глубинную композиционную структуру” как взаимоотношение автора, рассказчика и героя (разрядка Бахтина. — *Н. Д.*) как потенциальных носителей оценивающей позиции (осмысляющей позиции), но позицию адресата (измерение адресата) он игнорирует» [Там же, с. 416]. В своей рецензии Шмид отдает должное Бахтину и замечает (Бахтин конспектирует это замечание Шмида целиком): «Между тем именно Бахтин показал, как и изображенный персонаж, и рассказчик могут ориентироваться на смысловую позицию воображаемого визави и как в “слове с оглядкой на чужое слово” происходит интерференция оценивающих позиций» (здесь и далее — пер. с нем. И. Л. Поповой) [Там же, с. 658].

Однако далее Шмид уточняет свою позицию по отношению к концепции Бахтина (и Бахтин опять переписывает мысль Шмида без пропусков и сокращений):

...выставленная Бахтиным на первый план «полифония равноправных голосов» в действительности означает лишь один особый случай такой иерархизации (оценок абстрактного автора, фиктивного рассказчика и др. — *Н. Д.*). Однако абстрактный автор, будучи носителем смысла произведения как целого, никоим образом не должен

быть втянут, вопреки утверждению Бахтина, в полифонию изображенных инстанций. В бахтинском термине «автор» легко сглаживаются границы между конкретным, абстрактным автором и фиктивным рассказчиком, различия между которыми сам Бахтин не делал [Бахтин, 2002, т. 6, с. 659].

Итак, Бахтин, по мысли Шмида (но не только его), недооценил решающую «суперпозицию» автора в произведении; более того, этот абстрактный автор, «вопреки утверждению Бахтина», ни при каких условиях не может быть в этом же произведении изображен. Однако в этой своей критике Шмид как будто забывает о том, что Бахтин пишет об особом типе романа — полифоническом — отличительной чертой которого как раз и является отсутствие (принципиальное) доминирующего автора.

Присутствие в тексте этого «абстрактного автора», по мысли Успенского (и Шмида, который здесь цитирует эту его мысль), якобы доказывает тот факт, что «Достоевский в “Братьях Карамазовых” посредством различных именовании Дмитрия (Дмитрий Карамазов, Дмитрий Федорович, Митя, Митенька, брат Дмитрий и т. д.) делает носителем языковой перспективы другую субстанцию» [Там же, с. 661]. На этом месте Бахтин останавливает свой конспект и, хотя и со смягчающим интонацию знаком вопроса, говорит о принципиальном отсутствии у абстрактного автора собственного слова, поскольку: «...как будет звучать имя на языке “абстрактного автора” (может быть, официально, по документам “Дмитрий Федорович Карамазов”?) Есть ли у “абстрактного автора” свой особый язык (код)?» [Там же].

Однако чтение и конспект рецензии Бахтина нужно понимать комплексно, как одно из слагаемых возможного бахтинского ответа на «звучавшую на протяжении всех 60-х и начала 70-х гг. критику его концепции об особой авторской позиции в полифоническом романе и о позиции автора в романе вообще» [Там же, с. 628], критику, разбор которой — дело совсем другого исследования.

Итак, обе проанализированные нами рецензии затрагивали интересы Бахтина, были важны или созвучны его собственным теориям и мыслям (будь то согласная с карнавальной концепцией Бахтина книга Пинского или спорные (но не «против», а «за») и не разделяемые Бахтиным рассуждения структуралистов и нарратологов). Показательным нам кажется и тот факт, что Бахтин не только внимательно прочитал и законспектировал рецензию на книгу, позиция которой не могла быть ему близка, но и попытался ответить на нее, вступив в диалог с автором рецензии на его же языке (Бахтин употребляет совершенно не свойственное и чуждое для него слово «код»).

Возможно, поэтому много лет спустя Вольф Шмид захотел продолжить дискуссию и открыл Бахтинскую конференцию 2015 г.⁴ ответом на вопрос об авторе, вопрос, заданный Бахтиным в конспекте рецензии 1971 г.

⁴ Речь идет о Bakhtin 120 International Conference “After Cognition: Word, Act and Culture as Event of Being”. International Conference in Honor of the 120th Anniversary of Mikhail Bakhtin’s Birth, проходившей в Венгрии, в Веспреме, 28–29 мая 2015 г. Доклад В. Шмида назывался «Бахтин и проблема автора».

Источники

Бахтин М. М. Опыт изучения спроса колхозников // Советская торговля. 1934. № 3. С. 107–118.

Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Языки славянских культур, 2002. Т. 6. М. : Языки славянских культур, 2008. Т. 4 (1).

Шекспир У. Король Генрих IV. СПб. : Азбука, 2005.

Исследования

Бочаров С. Г. Об одном разговоре и вокруг него // Бочаров С. Сюжеты русской литературы. М. : Языки славянских культур, 1999. С. 472–502.

Конкин С., Конкина Л. Михаил Бахтин (страницы жизни и творчества). Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1993.

Паньков Н. А. Загадки раннего периода (Еще несколько штрихов к биографии М. М. Бахтина) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 1. С. 74–89.

Паньков Н. А. Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина. М. : МГУ, 2009.

Шайтанов И. Шекспир. М. : Молодая гвардия, 2013.

References

Bocharov, S. G. (1999). Ob odnom razgovore i vokrug nego [About and Around a Certain Conversation]. In S. Bocharov, *Syuzhety russkoy literatury* [The Plots of Russian Literature] (pp. 472–502). Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian)

Konkin, S., & Konkina, L. (1993). *Mikhail Bakhtin (stranitsy zhizni i tvorchestva)* [Mikhail Bakhtin: Pages of Life and Creative Work]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)

Pan'kov, N. A. (1993). Zagadki rannego perioda (Eshche neskol'ko shtrikhov k biografii M. M. Bakhtina) [Mysteries of the Early Period (A Few More Strokes to the Biography of M. Bakhtin)]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, 1, 74–89. (In Russian)

Pan'kov, N. A. (2009). *Voprosy biografii i nauchnogo tvorchestva M. M. Bakhtina* [Issues of M. M. Bakhtin's Biography and Scholarly Work]. Moscow: Moscow State University. (In Russian)

Shaitanov, I. (2013). *Shakespeare*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian)

Долгорукова Наталья Михайловна

PhD, кандидат филологических наук, старший преподаватель Школы филологии факультета гуманитарных наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» 105066, Москва, Старая Басманная ул., 21/4

E-mail: natalia.dolgoroukova@gmail.com

Dolgorukova, Natalia Mikhailovna

PhD (Philology), Senior Lecturer Faculty of Humanities / School of Philology National Research University Higher School of Economics

21/4, Staraya Basmannaya Str.,

105066 Moscow, Russia

Email: natalia.dolgoroukova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5553-0581

Researcher ID: J-3215-2015

Scopus ID: 57193212319